

Виктор Сараматов

**ТОЧКА
НЕВОЗВРАТА**

Виктор Саламатов

Точка невозврата

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41830247

ISBN 9785449645845

Аннотация

Эта история про российских экстремалов, осваивающих полёт на верёвке. (Роpe jumping – прыжки в альпинистском снаряжении с высотных объектов – мостов, скал, зданий). Это жизненная философия, школа преодоления внутренних страхов и раскрытия потенциала личности. Вместе с героями вы сможете прочувствовать черту, которая отделяет обыденность от неизвестности, адреналин от комфорта, искренность от фальши. Основано на реальных событиях. Высокого полёта и приятного чтения. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	36
Глава 4	50
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Точка невозврата

Виктор Саламатов

Дизайнер обложки Игорь Пятков

Редактор Сергей Мальцев

Корректор Анастасия Баранова

© Виктор Саламатов, 2019

© Игорь Пятков, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-4584-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Мы вышли покурить на крыльцо парашютного клуба. Несколько минут назад каждый из нас уложил свой первый десантный парашют Д-6. Используется он не только военными, но и на «гражданке», — в аэроклубах. Для выбрасывания различных туловищ с восьмисот метров. Сломать его в воздухе практически нельзя, — поэтому он стал самым массовым парашютом для выкидывания людей без опыта прыжков. И каждые выходные, на многих аэродромах по всей стране, их собирается огромное количество. Кому-то это нужно ради исполнения мечты детства, некоторым — для развлечения. Одни хотят перешагнуть границу страха, чтоб обрести стальной характер, стержень уверенности, решительности. Или более круглые предметы, схожие по смыслу и материалу. Но в основном, чтобы потом еще месяц рассказывать друзьям о своём героизме. Мы их называли «одноразовыми».

Кто же мы такие? Начинаящая группа парашютистов, уже второй месяц изучающая азы парашютного дела в местном клубе. Прыжков у нас тогда еще было мало, но все уже умели укладывать парашюты и знали, чем они отличаются друг от друга. Знали, с какой стороны будет взлетать самолёт и сколько звёзд должно быть на коньяке, чтобы с первого раза пройти врачебно-лётную комиссию.

Знакомьтесь, это Даша и Надя. Они стоят и спорят, как сбросить корову с парашютом. Надя доказывает, что корова не влезет в подвесную систему, и что ей, корове, совершенно не понравится ощущение свободного падения. Даша, напротив, уже чуть ли не чертежи рисует, как это можно сделать, и уверяет всех, что пережитые коровой ощущения могут толкнуть её детей на новую ступень эволюции.

Девушки очень похожи и знают друг друга с детства. И одеты примерно одинаково, в панковском стиле: огромные толстовки, а-ля «Ленинхой» и «Цой живее всех живых», потертые во всех местах джинсы и огромные «говноступы», созданные, наверное, для элитного американского стройбата. Я даже первые полгода их постоянно путал: то Надю Дашей назову, то наоборот. Причём реально я их путал первые пару месяцев, остальное же время я делал это специально. Назовёшь Дашу Надей, а она исподлобья посмотрит взглядом обиженного котёнка, сквозь зубы процедит: «Меня Даша зовут» и — ракетой дует за мной, чтобы извалить в ближайшем сугробе. А я, по сценарию, в панике убегаю, призывая высшие силы себе в помощь. Бесились мы много и часто. Это две безбашенные, но, в то же время, добрые и симпатичные девушки.

А это Ваня — специалист по микросхемам и чипам, радиоволнам и прочим непонятным вещам. Он только что закончил укладывать свой убийственный парашют и пребывает в состоянии полного удовлетворения. Это тот самый тип,

который на помойке может собрать компьютер и подключить его к интернету. Всегда всем помогает, даже когда его об этом не просят. Но все его знают и поэтому не просят редко. Серёга его спрашивает:

– Ты уложил парашют, чтоб спрыгнуть два раза?

– Нет, а это как?

– Первый и последний.

Про Серёгу никто толком ничего не знает. Только то, что его зовут Серёга, что ему где-то от 28 до 40 лет и у него есть пара татуировок.

Одни говорят, что он служил в горячих точках, другие, что он долго употреблял тяжелые наркотики и потом бросил, третьи, что у него крупный бизнес в городе. Сам же он, шутя, уклонялся даже от самых прямых вопросов, что, конечно, ещё больше подогревало интерес к его персоне.

Компания подобралась очень колоритная. В ней сошлись люди разного возраста и разных целей. Встретясь мы в обычной жизни, не обратили бы внимания друг на друга, прошли бы мимо. Но познакомились именно там — в парашютном клубе. И попали в одну группу. Встреча была неизбежной. Но тогда я об этом не задумывался и считал, что все придурки города попали именно в мою группу.

После того как все просмеялись, представляя Ванин двойной прыжок, возникла небольшая пауза, которой и воспользовался Серёга. Он коротко и ясно спросил:

– Кто-нибудь хочет прыгнуть с моста?

Все призадумались. А Ваня предложил скинуться ему на похороны.

— Да это безопасно. На верёвке! — уточнил Серёга. — У меня один друг организовывает. Мост, кстати, в 15 минутах ходьбы от парашютного клуба. Прыгать будем завтра, около восьми часов вечера. С собой возьмите тёплую одежду и сменные штаны. Если адреналин выделяться будет.

— А высота? — спрашивает Даша.

— Около 10 метров. Ты прыгаешь, пролетаешь пару метров, потом подхватывает верёвка и...

— Тебя размазывает о лёд, а мы накрываем тебя приготовленными штанами, — продолжил я.

Даша с опаской на меня посмотрела, загадочно улыбнулась и пообещала, что мы будем прыгать вместе.

— На нас штанов не хватит, — выкрутился я.

Меня зовут Артём. Я студент второго курса философского факультета. У вас, наверное, сразу возник вопрос, как меня занесло на философский?

Однажды, в пять утра, на кухне с друзьями, в поисках ответа на вопрос «зачем мы здесь» и «где сейчас продают виски», ко мне пришло озарение.

Я понял, что нужно понять основу мироздания, основную движущую силу этого мира. И ничего лучше философского факультета в голову не пришло. Оно и неудивительно в этом состоянии. Теорию Дарвина мы похоронили часа в два ночи,

а религию, с её бесконечными пророками, несколькими стаканами позже.

Как минимум, отдельно эти версии просто не могут существовать. Потому что некоторые люди абсолютно точно произошли от обезьян. Или всё ещё «происходят». В то же время без божественного вмешательства ни одна обезьяна не стала бы человеком. Ну зачем ей столько проблем и социальных ролей. Зачем ей ползти в Сибирь из Африки или открывать ядерный квадрупольный резонанс? Есть же банан и пальма! Сиди да жуй. Без божественного пендаля такое невозможно.

О чем это я? А, вот, в жажде познания, я нырнул в «мудрость» университетских коридоров. Там все точно знали всё, и отчисляли, если не знаешь ты.

Следующий день я провёл в ожидании прыжка. Имелся туристический опыт, я отлично представлял себе, что такое альпинистская веревка. Но как с её помощью можно прыгать, в голову не приходило.

Сама по себе она может растягиваться на несколько сантиметров, так что, амортизации почти никакой. Терзали подозрения о том, что будет сильный рывок и у меня получится совместить два прыжка в одном, даже без Ваниного парашюта. Сразу вспомнилась тарзанка, где верёвку привязывают к ногам прыгающего, и он улетает вниз — растягивать себе позвоночник. Но там она эластичная и растягивается

на несколько метров, а тут скалолазная. Что-то явно не сходилось.

Из семи человек к месту прыжка приехало только трое. Я, Серёга и Алена — потомственная парашютистка.

– А где все остальные?

– Штанов вторых не нашли, — буркнул Серёга.

Еще был друг Серёги. Он видимо и собирался нас всех с этого моста скинуть. Одет в тёплую спортивную куртку, на спине небольшой рюкзачок со снаряжением, а капюшон закрывал лицо так, что его практически не было видно. В голове я сразу прозвал его по этой выделяющейся детали — «Капюшоном».

– Ну что, парашютисты, готовы к прыжку?

Мы неуверенно переглянулись и кивнули.

– Ну, тогда начнём!

И процессия пингинов тронулась покорять айсберг. Неуверенной походкой, шагая за Капюшоном, мы приближались к мосту. Это был совершенно обычный, на первый взгляд, мост в центре города. Я по нему много раз ходил и ездил, но даже не догадывался, что под ним есть «жизнь». Под проезжей частью, на всём её протяжении, находится металлический трапик шириной метра два, с перилами. Практически пешеходный мост. Но попасть на него было непросто. Лесенки, конечно, отпилены добросовестными коммунальными службами. Видимо, чтобы бомжи с маньяками и пья-

ными панками не ползали. Но, нужно отдать им должное, долазят теперь не все.

Вначале нужно было проползти по теплотрассе, затем (в паре метров над землей) перелезаем в арку-опору моста. Идем дальше, и вот уже наш желанный трапик практически над головой.

Мы встали цепочкой, закинули на него все вещи, помогли вскарабкаться Алене и, вскоре, сами в полном составе оказались на подмостках. Живопись бетонных опор радовала глаз. Прямо пещерные надписи древних людей. Красиво, дизайнерским шрифтом, было написано о любовных похождениях некой Жени и о безответных чувствах нескольких усталых романтиков, которые никак не могли её поделить. А главное, сама Женя никак не могла понять, что же ей нужно и с кем.

Разглядывая эту переписку, я чуть не врезался головой в металлическую балку лбом.

И вот — мы на месте.

Капюшон неторопливо достал свой инвентарь и начал подготовку практически к групповому суициду.

Глядя на это, я понял, что позвоночник мы, наверное, не сломаем. Верёвка крепилась не с точки прыжка, а проходила под трапиком и фиксировалась с противоположной стороны, т. е. ты как будто прыгаешь на «веревочные качели» с высшей точки и затем раскачиваешься как маятник. Рывок сведён к минимуму.

Капюшон всё чаще косился на нас, а когда закончил с оче-

редным узлом, наконец спросил: «Кто будет прыгать первый?».

Мы с Аленой, потупив взгляд, отошли, вытолкнув Серёгу вперед. Вроде как ты сюда нас притащил, тебе и «систему» проверять! Он громко выругался, но пошёл. Система — она же обвязка, она же пояс — это несколько ремней с петлёй на животе для карабина. Это оборудование используется в туризме и альпинизме. Ремни обхватывают пояс, ноги и плечи, так что выпасть из неё практически нереально.

Серёга, тем временем, закончил с обвязкой. Капюшон прицепил к нему верёвку и дружелюбно предложил Серёге перелезть через перила и прыгнуть вниз.

Сергей стоял и смотрел под ноги. Представьте себе: вы стоите примерно на высоте третьего этажа. Под ногами лед. Перед вами: огни большого города, набережная, люди гуляют. На пригорке ярким лунным светом сияет храм. Шикарно, не правда ли? И сразу жить так хочется...

Мы начали подбадривать Серёгу. Говорить о том, что мы в него верим. Что с такой высоты в детстве в сугробы без верёвок прыгали. Возможно, всё привязано правильно. И может быть, он своим ходом сможет вернуться домой.

Хотя мы уже примерно понимали, какие чувства сейчас испытывает стоящий «по ту сторону перил». Он всё же спрыгнул, пролетел пару метров в свободном падении и натянул верёвку. Под весьма нецензурное высказывание, она, по дуге, унесла его на «маятник». С другой стороны моста

его туловище долетело до уровня, где стояли мы. Зависнув там на долю секунды, с не менее красочным эпитетом улетило вниз. Так он и летал, появляясь то с одной стороны моста, то с другой, постепенно останавливаясь.

Когда Серёга перестал качаться, Капюшон, аккуратно развязав нужный узел, спустил его на землю. Почувствовав твердь под ногами, Серёга во всё горло закричал «УРААААА!!», и сказал, что всех любит. Абстрактно, а может нас. Мы тоже закричали «УРА!», но с признаниями не торопились. Следующая очередь была моя.

Я знал, что обязательно это сделаю. Мне казалось, что сердце стучало, как отбойный молоток. Одетый в систему, я ждал, когда меня прицепят к верёвке. Смотрел то вниз, то на страховку, то вниз, то на страховку.

Сзади раздался уверенный негромкий голос: «Страховка готова». И Капюшон зловеще улыбнулся. В темноте его лица не было видно, но я точно знал, — он лыбится.

Щелчок карабина на моей системе и просьба как можно скорее покинуть «эту сторону перил». Я так и сделал. Аккуратно, не торопясь, перебросил туловище на «ту сторону». С трясущимися коленками, но внешне я был очень крут.

«Ну зачем? Ну, ради чего?» — спрашивал меня страх. Но я точно знал, зачем и для чего. Бывает такое, когда ТОЧНО ЗНАЕШЬ, ЧТО НУЖНО ДЕЛАТЬ. С этой мыслью я и ринулся вниз, но руки предательски вцепились в перила. Осознавая абсурдность моих колебаний, я заржал в голос.

Оглядевшись по сторонам, заглянув в светящиеся глаза свежеспрыгнувшего Серёги, я на всякий случай поинтересовался, готова ли страховка? Всё ли нормально закреплено? Можно ли прыгать? Все три ответа были утвердительными, поэтому ничего не оставалось, кроме того, чтобы отпустить руки и откинуться назад.

С того момента, как я разжал руки и до того, как вылетел с другой стороны, прошло секунды полторы. Первую секунду я не понимал вообще ничего. Но зато потом — ощущение полёта из детских снов. Уже не было ни неба, ни земли, ни моста, ни вообще этого пруда и этого города. Ощущение невесомости в неизвестности. А маятник всё качался и качался. Я внезапно заорал, что тоже всех люблю, на что сверху послышался дикий ржач и голос Капюшона: «О, ещё один любвеобильный!». После чего он аккуратно спустил меня на Землю.

Снизу я посмотрел вверх, откуда только что упал.

– Ну как оно?

– Оху..., Прекрасно!!! Ещё можно?

– Подожди, сейчас самое интересное будет.

– А что, интересное ещё не случилось?

– Сейчас Алена прыгать собирается.

Я понял, к чему он клонит, и поспешил подняться. Получилось на удивление быстро. Я просто залетел обратно на мост (и чего мы так боялись сюда лезть?). Разрумянившаяся Алена уже надела систему и ожидала команды стар-

товать.

– Страховка готова, — прозвучал голос Капюшона, и Алена в мгновение ока оказалась сначала за перилами, а потом, зажмурив глаза и громко завизжав, прыгнула с моста. Я даже толком сообразить ничего не успел, как она уже вылетала с другой стороны. Мы с Серёгой стояли, как вкопанные, подбирая отвисшую челюсть, а Капюшон таинственно улыбался.

Глава 2

Мы подробно рассказали в группе о своём героическом подвиге в тёмных руинах моста. Какой накал страстей творился, какие чудовищные обстоятельства нас сдерживали и как с доблестью, отвагой и героизмом были низвергнуты в небытие.

Даша почувствовала себя на редкость унылым веществом, пропустив это событие по «невероятно важным причинам», и предложила повторно организовать прыжки.

– А что, хорошая идея! — поддержал я. — Серёга, зови Капюшона! Пусть он нас ещё раз сбросит.

– Его не будет. Завтра он уезжает в Индию на неопределённый срок.

– Это как это — на неопределённый?

После тех прыжков он растворился в темноте, даже не соизволив попрощаться.

– Ну как? Вот так. Сожжёт там свой паспорт и ищи его по всем индийским просторам. Там говорят, даже место специальное есть. Приезжие, одухотворённые этой страной, ритуально сжигают паспорт, олицетворяя этим свою отрешённость от цивилизации. Для вечного пребывания в стране медитаций и гашиша.

– По количеству мигрантов у нас, видимо, тоже есть такое место! Но задача усложняется. Я понял систему и попробую

её воссоздать, никого не убив. Ну, максимум, Дашу.

Я встал перед ней на одно колено и максимально торжественно спросил:

– Дарья Лаврова, согласны ли вы, находясь в добром здравии и практически трезвой памяти, пожертвовать свою жизнь на благо друзей своих, и быть принесённой в жертву великому мосту, соединяющему жизнь и смерть, полёт и падение?

– Только если вместе с тобой, — буркнула Даша и перекрестила меня сатанинским крестом.

Необходимое снаряжение нашли быстро: Серёга купил верёвку, а у меня дома нашлись системы и карабины в полном комплекте. И даже с запасом. Надя с Дашей взяли термос с чаем и бутерброды. Каждый прихватил по фонарику и, после следующих занятий в парашютке, мы выдвинулись на мост.

Дорога от клуба до моста занимает около 15 минут, она проходит вдоль городского пруда и вытекающих из него сточных вод. Мы шли по узенькой тропе, между обильно нападавших сугробов. Было очень тихо, и нарушал тишину только приятный скрип снега под ногами. Где-то по ту сторону пруда, на фоне тёмных зданий, ряд фонарей подсвечивал набережную. По ней в поисках романтики бродили несколько пар. С нашей стороны, что спереди, что сзади, не было ни души, только снежные поля с одинокой тропинкой. Где-то вдалеке лаяли собаки, а впереди тёмной стеной приближал-

ся мост. Сверху он подсвечивался фонарями, зато под проезжей частью простиралась таинственная мгла.

Меня очень радовало, что сегодня желающих прыгнуть было значительно больше. Я мысленно представлял, кто и как будет прыгать: с каким лицом, какими словами?

Кто спрыгнет сразу, кто будет стоять долго? Во время своего первого прыжка я очень хорошо помню всю гамму ощущений, которые нахлынули всего за несколько секунд.

Вначале, это сомнения. Нужно ли тебе это вообще? Для чего нужен прыжок? Когда ответ уже крутится у тебя в голове, появляется страх. И начинается все с фразы: «А что, если...».

«...А что, если верёвка не выдержит, а что, если карабин треснет? А что, если у страхующего руки не из плеч, а из совершенно другого места?»

Начинаешь сам себя накручивать, рисуя в своём воображении одну за другой красочные картины неблагоприятного исхода. Тебе страшно. По-настоящему. Страшно за свою жизнь и здоровье, за родителей, которым сообщат эту новость. Страшно за то, чего ты так и не успел сделать в своей жизни. А должен бы.

Но если ты верно ответил на вопрос: «для чего тебе это нужно?». Если ты доверяешь человеку, который привязал страховку, доверяешь страховке, и, самое важное, доверяешь самому себе и своему выбору, то прыгнуть уже не кажется невозможным. Это всего лишь шаг. Один единствен-

ный. Он открывает новые горизонты и придаёт уверенности ещё на долгое время. А страх — это всего лишь иллюзия событий, которые, вероятней всего, никогда не случатся.

После прыжка с моста, во время свободного падения, ощущения уже совершенно другие. Это полёт. Осознание того, что тебя ничего не связывает, чувство единства с окружающим миром. Затем наступает новая волна страха. И начинается она с мысли: «Что-то я долго лечу... А вдруг не привязали?» И как только ты прочувствуешь эту мысль всем организмом, верёвка плавно подхватывает, и по дуге, за счёт твоего веса, инерции тащит вверх. В этот момент и наступает ощущение полной свободы, чувство того, что ты смог. Ты сделал это.

Тем временем, мы уже подходили к мосту и готовились к его штурму. Первым заходом забросили снаряжение и женские сумочки, которые по объёму были примерно одинаковыми. Вторым заходом я, Серёга и Алена выстроились в цепочку и страховали «перворазников» в особо скользких местах. Но это не всем помогло, и Даша всё же забодала стену. Стена выдержала.

Оказавшись на мосту, новички сразу начали разглядывать высоту, с которой предстояло прыгать. В темноте она казалась ещё больше. Катя с Юлей — наши однокурсницы по укладке парашютов, что-то долго обсуждали в стороне. Потом единогласно заявили, что они не дуры, и прыгать

не собираются. Максимум, посмотрят на нас, отморозков. После чего сделали очень важные лица и начали усердно наблюдать, как мы с Серёгой готовим систему для прыжков. К ним присоединились Женя с Ваней.

Я не обращал на это внимания. Мне казалось, что, как только они увидят систему в действии, то появится желание прыгнуть, самим пережить этот опыт. Я хотел заразить их своим азартом.

Тем временем, страховка была готова. Осталось только найти Дашу, запихнуть её в систему и скинуть вниз. Но Серёга решил, что первый будет прыгать он. Мотивируя это тем, что первыми должны прыгать те, кто навешивал верёвки. Возражений не возникло. Я встал на страховку, а он надел систему, пристегнулся и перелез через перила.

Он решил прыгать лицом. Вообще, существует множество способов, как можно упасть с моста. Самые популярные — это спиной и лицом. Названные той частью тела, которой стоишь к пропасти. Когда прыгаешь спиной, то видишь всех, кто на мосту, и не особо ощущаешь высоту. Лицом же, напротив, создаётся ощущение, что есть только ты и высота. И, возможно, верёвка. Её не чувствуешь, но очень надеешься, что она есть и натянута верно. Руками же держишься за перила, то есть, если отпускаешь руки, то сразу начинаешь падать. Передумать поздно — схватиться не за что.

В общем, стоит Серёга, думает о жизни, как много в ней всего хорошего. Начинает раскачиваться на руках, потом

на какой-то момент замирает, и... отпускает руки. При этом выпрыгивает вперёд, видимо, в надежде взлететь. Но полёт был такой же, как у утюга плавание: красиво, но недолго. Быстро перегруппировался и «рыбкой» ушёл вниз. Верёвка его подхватила, и он как по маятнику взлетел на удивление высоко, чем вызвал бурные овации всех собравшихся. Я его аккуратно спустил вниз, подтянул верёвки, надел систему и стал ждать, чтоб он меня подстраховал.

Когда поднялся, первым вопросом было: «Сколько у меня оставалось до земли?» Ваня, который со всей своей скрупулёзностью следил за прыжком «от и до», ответил, что около полутора метров.

Тут я понял, как хочу совершить свой прыжок. Я попросил немного ослабить натяжение верёвки и пристегнулся. Залез на перила, попутно борясь с дрожью в коленях, и прямо с перил хорошенько оттолкнулся, прыгнул. Сгруппировавшись «бомбочкой», как в бассейне, очень долго, по моим ощущениям, падал вниз. Расстояние до земли было чуть меньше метра. Если бы я выставил ногу, то задел бы рыхлый снег.

Приземлившись, я крикнул Серёге, чтобы сделал метку на верёвке. Теперь у нас было отмеренное, максимальное, свободное падение. Дальше этой метки делать «провись» не имеет смысла. Только для тех, кто хочет совместить два прыжка в одном.

Следующей готовилась Даша. Она моментально надела

систему. Перелезла через перила и зависла в размышлениях, какого спелеолога её сюда занесло.

— Я хочу, но не могу, — отрапортовала она, когда я поднялся.

— Прыгай, ты уже готова.

— Да знаю, я знаю...

— Ну чего тогда ждёшь?

— А точно всё хорошо пристёгнуто?

— Точно!!! Может быть...

— Как это может быть? — удивилась она.

— Прыгнешь, узнаем, — улыбаясь, добавил я.

Я прекрасно знал, что вся страховка готова. И Даша прекрасно знала, что вся страховка готова. И Серёга, который страховал, тоже знал, что всё готово.

Когда стоишь на мосту, как и в жизни, нужно сделать какой-то маленький шаг, который приблизит тебя к конечной цели. И наверняка знаешь, что для этого нужно сделать. Но часто это выходит за рамки твоей обыденности. И, порой, всеми силами цепляешься за то, что есть, и всеми возможными способами откладываешь уже необходимый шаг. И остаешься с перилами в руках, так и не познав радость полёта. Очень важно услышать внутренний голос, который ТОЧНО знает, как нужно сделать этот шаг. И Даша услышала.

— Я сама не отцеплюсь. Давай ты меня отпустишь?

Я сразу понял, что от меня нужно, и протянул ей свои руки. Она по очереди отцепила руки от моста и перехватила

за мои. Теперь мы смотрели друг-другу в глаза.

– Готова?

– ДА!

– Тогда на счёт «три»!

– Хорошо.

– Раз!

– Два.

– Три!!!

В этот момент я легко толкнул её от себя и отпустил руки. Она с криком полетела вниз, прихватив зачем—то с собой мою перчатку. Когда я её отпускал, было такое чувство, что прыгаю тоже, через руки, что ли передалось. Не знаю, по каким законам физики это работает, но я стоял совершенно с потерянным видом, с чувством только что совершенного прыжка. Только ощущения полёта не было.

– Хорошо ушла, — констатировал Ваня.

– Да уж, неплохо, — переведя дух, ответил я.

Тем временем, Даша уже перестала внизу орать и расслаблено повисла на страховке пузом кверху.

– Ну как? — поинтересовался Серёга.

– Это шикааарно, — спокойно ответила она.

И тут я понял, что она тоже прошла через этот барьер страха. И теперь её не оттащишь от прыжков.

Следующей прыгала Алена. Она опять всех удивила теми двумя секундами, пока стояла за перилами. А потом, как истинный парашютист, отделилась от моста и полетела вниз,

расставив в стороны руки и ноги, как того требовала парашютная выучка.

— На этой оптимистической ноте, я предлагаю перекусить, — сообщил Ваня.

— Не отсрочивай своё падение, всё равно спрыгнешь. Или скинем, — добавил я.

Но идея перекусить замёрзшими бутербродами была вполне ничего. В это время на мосту появилось ещё два силуэта. Они постепенно приближались, и, вскоре, в свете налобных фонарей, стали видны их лица. Один вполне интеллигентного вида, невысокий очкарик, похожий, наверное, на пьяного профессора. Второй же был изрядно волосат, и бритву, наверно, видел только на картинках. И то, не понял, что это за штуковина. Это, вероятно, и есть истинный образец «грязного панка». Весь этот комплект дополняла косяка и торба с надписью: «все дороги ведут в ад», или что—то в этом духе. Довольно странная парочка. Эстет и бомж.

— Привет, психи! Вы тут что, прыгаете что ли? — поинтересовался панк.

— Нет, мы залезли под мост бутеров поесть и в системах походить.

— Ясно, — хихикнул панк. — А где ещё прыгали?

— Да пока только здесь! А где-то ещё можно?

— Ну да, в городе есть ещё один мост. Там высота 20 метров.

— 20 метров?

Мы все переглянулись. Это практически в два раза больше, чем здесь!

– Я хочу! — загорелась Даша

– Ты обделаешься! — успокоила её Надя.

– Ну и что! Всё равно хочу!

– Ещё есть мост за городом, — продолжал Панк, — километрах в ста от города.

– А там сколько?

– 40 метров.

И тут обделались мы все. От одного только представления, что можно прыгать с тринадцатого этажа.

– Но там мало кто прыгает. Добираться транспортом туда неудобно, а машин ни у кого нет.

«Когда-нибудь, мы оттуда обязательно спрыгнем», — пообещал я себе.

Тем временем, Юля уже закончила со своим бутербродом и готовилась к прыжку. Надела систему и оказалась «с той стороны» перил. Серёга ушёл на страховку и сообщил о готовности.

– Прыгай! — закричал я.

И тут Эстет выдаёт:

– Ready! SET! GO!!!!

Мы все недоумённо посмотрели на него.

– Это для прыжка, — пояснил он, — «Реди» — приготовься! «сет» — настройся! «гоу» — прыгай!!!

– Как «на старт, внимание, марш»?

– Ну да, что-то вроде этого.

Бедная Юля. Теперь ей все орали: «Реди, сет, гоу». И её под действием таких децибел её просто сдуло с моста. А мы, довольные, принялись доедать бутерброды.

«40 метров.... Это нечто!», — думал я, — «А какой там маятник, метров 80, наверно, какое свободное падение...»

Пока я мечтал о покорении новых высот, эти двое достали верёвки и повесили их метрах в пяти от нас. И назвали это дело «экзитом». И стало хорошо. Серёга кинул идею:

– Давайте прыгать синхронно.

Сказано — сделано. Вот уже я стою привязанный, за перилами, а через пять метров стоит панк. Эстет орёт своё фирменное «Реди, сет, гоу», и мы максимально синхронно отрываемся от моста.

По восторженным крикам сверху я понял — всё прошло удачно, но немного погодя заметил, что болтаюсь один, а панк куда-то таинственным образом исчез. Я недоумённо огляделся и увидел его сверху, болтающимся вниз головой на какой-то деревяшке, висевшей у края бетонной опоры моста. Оказывается, они специально повесили там верёвки, чтобы можно было до неё долететь. А зацепиться можно только при первом пролёте по маятнику, так как именно в нём подбрасывает максимально высоко.

Довольный Панк болтался, размахивая руками, и орал какую-то песню о страшном суде и мёртвых птицах. Наверно, у него в этот момент слились все ингредиенты, из которых

получается слово «СЧАСТЬЕ».

Для полного удовлетворения, он ещё и прикурил сигарету, но, видимо, в момент первой затяжки случился настолько мощный экстаз, что ноги его предательски подвели, и как огромная бомба, он полетел вниз, извергая дикий рёв. Но он забыл про сигарету, которая от его перемещений нашла убежище в ноздре. От этого рёв стал ещё громче и походил уже скорее на звук садящегося самолёта с подбитым двигателем. Его быстро спустили, и он уткнулся мордой в ближайший сугроб. Теперь он знает, как из букв «С. Ч. А. С. Т. Ы. Е.» можно собрать слово «ЖОПА», подумал я.

Следующей прыгала Катя. Она вызвалась сама. Общий настрой её вдохновил. И идея, поначалу казавшаяся абсурдной, обрела смысл. На её лице не было видно ни одной эмоции, только в глазах чуть-чуть мелькал страх. Она перелезла через перила и стала лицом к прыжку. Совершенно спокойно попросила всех заткнуться, что никаких «Реди, сет, гоу» ей не нужно, и рассказывать о том, что всё безопасно, тоже. Просто нужно сосредоточиться на прыжке.

Прошло минут десять, а она всё ещё не прыгала.

– Может с рук? — предложил Серёга

– Нет! Я сама, — обрезала Катя.

Прошло ещё минут десять.

– До земли совсем чуть-чуть, а отцепиться страшно.

– Не думай, отключи мозг! — Ответил Серёга. — Ты сейчас в голове такого напридумываешь, что и прыгать не захо-

чется.

Когда он договорил, Кати уже не было за перилами. Тихо ушла. Я проникся к ней большим уважением в этот момент. Она не привлекала к себе внимание, она не делала это для кого-то. Она сделала это для себя, её мало заботило то, что о ней подумают другие. Прыжок был посвящен чему-то конкретно — страху боязни высоты, с полным осознанием всех действий. Принятием проблемы как таковой и решением о её преодолении. И может после этого её повысили на работе или улучшились отношения, или произошёл какой-то другой сюрприз. Какая тут связь? Очень простая. Я замечал такое много раз. Когда преодолеваешь свой страх и делаешь то, чего по-настоящему боишься, происходят необычные события, которых совсем не ждёшь. Как будто перебарываешь страх не только высоты, но и другие бытовые страхи. И неосознанно начинаешь смотреть на проблемы в жизни под новым углом. А преодоление страха зачастую и является правильным ответом. Вряд ли она будет часто с нами прыгать, даже вряд ли она будет прыгать в ближайшее время. Но сейчас она совершила именно тот прыжок, который другие могут не совершить никогда. Даже спрыгнув больше сотни раз. Суть — в осознанном преодолении страха.

В прыжках открываются и обнажаются потаённые стороны личности. Ведь этот прыжок затрагивает глубинные установки боязни высоты. Как человек решает проблемы в жизни, так довольно часто и на мосту. Только здесь это ярче вид-

но и проще осознать свои страхи.

Отцепив Катю, Серёга спросил: «Как избавиться от страха? С одной стороны, нет ничего проще, нужно отключить мозг и шагнуть вперёд. Просто сделать это. Осознанно контролировать свои эмоции и довериться процессу».

Я понял, что он имеет в виду и продолжил мысль: «Но с другой стороны, контролировать свои эмоции не так уж и просто. Тем более, принять свой страх и избавиться от него в этот самый момент. Не завтра, не через неделю, а прямо сейчас. Мы часто боимся неизвестности, прикрываясь удобством и комфортом текущего положения дел. Даже если в этой самой неизвестности скрывается счастье для каждого из нас. Из этого рождаются прекрасные, душераздирающие отмазки, в которые, со временем, начинаем верить».

— Как это? Я не поняла, — сказала Надя.

— Вот наверняка, ты знаешь, что тебе нужно, — ответила Алёна. — Где-то внутри. Это похоже на внутренний голос, который подсказывает правильный ответ. Но это по-другому, и нужно многое сделать и переосмыслить. В этот момент включается твоя «ленивая» половина, которая трансформирует лень в нечто, не зависящее от тебя. Нехватка времени — это неумение планировать, нехватка сил — это неумение планировать и плохая физическая форма. Плохие отношения — это вообще может быть что угодно, кроме вины твоего партнёра.

— Согласен! — добавил Серёга. — Как в танго. Во всём

виноват мужчина. Если девушка пошла не туда, то это он её не туда повёл. И ответственность за всё происходящее лежит на нём. Барышне не нужны отмазки — ей нужен танец. В этом случае стараешься сделать всё, на что способен. Насколько не было бы страшно в начале, потом наступает лёгкость. Как в танце, так и в прыжках.

Вечер закончился благополучно. В итоге, спрыгнули почти все. Сторонними наблюдателями остались только Ваня с Женей, решив, что просто смотреть доставляет не меньше удовольствия, чем прыгать. Может для них это так и есть, пока что. Кому-то нужно «дозреть» до прыжка, а кто-то уже «перебродил» и смысла прыгать нет вообще.

Когда я приехал домой, то первым делом полез в интернет, чтобы найти фотографии, координаты, видеозаписи и вообще любую информацию по прыжкам с двадцати и сорока метров. Все старания были тщетны. Ничего, ни одной фотографии. Зато поисковик выдал информацию об основателе этого вида экстремального вида получения ощущений — **Дэне Османе**. Это американский скалолаз, покоривший множество вершин мира, который однажды понял, что получает удовольствие не только от подъёма на вершину, но и от срыва на страховке. Довольно странный тип, на первый взгляд. Как можно получать удовольствие от срыва? Когда ползёшь по скале и в какой-то очень неожиданный момент — срываешься вниз. В неконтролируемое падение

на страховке. Естественно, это страшно, ведь ты не знаешь, когда это случится, и страшно, потому что падение — неконтролируемое. Можно удариться об скалу рукой, ногой, головой или всем вместе. А потом ещё и страховка резко дёрнет.

Дэн Осман загорелся идеей о том, как неконтролируемое падение превратить в контролируемое. Ведь если оно рассчитано и подготовлено, то доставляет массу ощущений. И он придумал два основных способа безопасного падения на верёвках. Это принцип маятника (которым мы, оказываемся, и пользуемся) и принцип динамической базы. Второй способ предполагает вертикальное падение и плавное замедление вниз. Используется, в основном, на отвесных скалах, домах и различных вышках.

Один конец верёвок крепится вблизи точки выхода на прыжок, а второй на земле, либо на другом похожем по высоте объекте. Это и есть база. Сам же прыжок осуществляется на другой паре верёвок. Которые одним концом привязаны к прыгающему, серединой к базе, а вторым концом — к месту страховки. Таким образом, после прыжка, сначала выпрямляется свободная верёвка, пристёгнутая к человеку (длина её заранее отмерена для необходимой глубины прыжка), затем натягивается сама динамическая база и происходит плавное торможение, на безопасном от земли расстоянии.

Я смотрел на прыжки Дэна Османа, как на суперкары из глянцевого журнала. Они казались прекрасными и недо-

ступными. В голове мелькали цифры. Это сколько километров верёвки нужно на этот прыжок? А на этот? Сколько карабинов и прочего «железа»? А сколько опыта? Это казалось удивительным и невозможным. Это сколько же свободного падения? 50, 100, 200 метров? И что ощущает человек, стоящий на высоте 70 этажа, с осознанием того, что сейчас полетит?

Я начал представлять, как стою на «экзите» и готовлюсь к прыжку. На горизонте виден город, внизу, где-то очень далеко, макушки деревьев. У меня нет парашюта, который должен открыться в нужный момент. Только система с пристёгнутой верёвкой, уходящей вниз. Свистит ветер, действие происходит на рассвете, солнце ещё не успело нагреть воздух, поэтому чувствуется лёгкая прохлада. Высота — будто притягивает к Земле. Меня тут же охватил страх. ПО-НАСТОЯЩЕМУ. Только от одной мысли, что я собираюсь это сделать. Но я собрался, отогнал все страхи и легко оттолкнулся от края пропасти. Ветер уже как будто задул в лицо, а тело стало практически невесомым и легко управляемым. Я летел и летел. Забыв о силе притяжения и времени. Рассматривая приближающуюся землю и быстро мелькающий узор конструкции, вдоль которой летел. Когда же до деревьев осталось совсем немного, страховка очень плавно начала меня останавливать. Я остановился метрах в двадцати. Образовалась полнейшая тишина, я откинулся в системе и наслаждался, как ветер меня покачивает из стороны в сто-

рону. Это уже был сон.

Мы решили организовывать прыжки каждую пятницу после занятий в парашютке, и в следующий раз я поделился найденной информацией с остальными. В красках рассказал о системе навески, о возможных ощущениях того, как это происходит, и самое главное, о том, что это уже кто-то делал. Это возможно. Нам нужно только набраться опыта.

— В принципе, — начала Лаврова, — твой случай ещё можно вылечить. Клиническая медицина, добрые тётки в белых халатах, питание три раза в день, таблеточки там разные.

— Да, да, да, — подхватила её Надя. — Когда познакомишься там с Наполеоном, можешь рассказать ему о своих планах.

— Тихо! — крикнул я, с трудом сдерживая смех, — Недалёкие людишки! Я вас всех тогда за собой утяну. Будем в отдельной палате жить, и с кровати на пол прыгать. И то только по выходным, когда дежурный врач останется и следить некому будет.

— А мы и его скинем! — прыснула Даша.

— Рэди, сэт, гоу!!! — и с грохотом всё отделение с кроватей попадало, — добавил Серёга.

Мы приступили к прыжкам. Сегодня нужно было обязательно скинуть Ваню и Женю. По нашему общему решению, они уже «дозрели», и необходимо их «нежно» подтолкнуть к прыжку.

А план следующий. Ваня неровно дышал к Даше. Или Кате. Или ему вообще всё равно было к кому неровно дышать. Но он изо всех сил старался этого не показывать и делал вид, будто ничего не происходит, или даже, что кто-то уже дышал ему в ответ раньше. Но, разумеется, это стало видно. Все обо всём догадались, но тоже делали вид, что ничего не происходит.

Поэтому, после наших с Серёгой «прыгов», Даша подходит к Ване, нежно его обнимает (по плану должны быть большие глаза и растерянное выражение лица), после чего становится на колени и начинает надевать на него систему. В женских чарах Даши никто не сомневался. Она смогла бы заставить надеть систему любого мужика. А если бы сильно захотела, он бы ещё и спрыгнул без верёвки. Только за одну милую улыбочку.

Когда Ваня, всё же пристёгнутый, улетел с моста под бурные крики радости, мы сделали очень хитрые и зловещие лица и медленно начали надвигаться на Женю. Тот быстро смекнул, что сейчас может произойти и быстренько сам залез в систему, крича при этом: «Я сам! Я сам! Только к верёвке пристегните, демоны». Мы и пристегнули, подняли его на руки и торпедировали с моста, под ещё более громкие крики «Рэди! Сэт! ГОУ!!!!!»

Пока он раскачивался внизу с чувством большого облегчения, то ли духовного, то ли физического, в темноте не вид-

но было, у меня появилась идея.

– Давайте устроим посвящение в прыги!

– Это как? — заинтересовался Серёга.

– Вот смотри, видишь он внизу болтается?

– Ага.

– А ведь он долго не хотел прыгать?

– Да!

– Сколько мы мерзли из-за него?

– Много.

– А сколько сил потратили, уговаривая его в прошлый раз?

– Много.

– А снега внизу много?

– Прилично

– Отвязывай Страховку! Высота метра полтора. Ему ничего не будет. И скорость маятника уже небольшая.

Я высунулся за перила и окликнул Женю. Затем изобразил самую добрую из всех добрых улыбок, на которые только был способен, и помахал ему рукой. Серёга в это время отвязал страховку и Женя, сделав при этом очень большие глаза — упал в сугроб.

– С посвящением тебя! — закричали мы.

– Сволочи! — Прокричал Женя, очищая лицо от снега.

Но по нему было видно, что шутка ему понравилась.

Глава 3

С момента моего первого прыжка прошло уже более трёх месяцев. За это время каждый из нашего «основного состава» напрыгал не меньше сотни прыжков. Выбирались мы теперь стабильно два раза в неделю, а то и чаще. В любое свободное время. Каждый из нас находился на одной волне. Когда начинаешь понимать друг друга с полуслова, а взгляды на мир начинают сходиться. А может, они и были похожи. Просто... Зачем-то мы их прятали. А на мосту они обнажились.

Но, как оказывается, жизнь полна сюрпризов. Уже вторую неделю пропадает Серёга. Отмазывался от прыжков, как мог, и вообще — потерял интерес. А всё наверно потому, что при нашей последней встрече он вдруг поинтересовался, сколько нам всем лет. И оказалась, что разница в возрасте была, как минимум, в два раза. Такого не ожидал никто. И, видимо, это стало решающим фактором. Может быть, он уже начал «остывать» к прыжкам, а осознание того, что тусуешься, практически, со сверстниками своих детей приводит в ступор?

Почему же мы не узнали об этом раньше? Да просто не надо было. Не было ощущения, когда встречи малознакомых людей напоминают собеседование на работу. Ты где учишься? Работаешь? С кем встречаешься? А спишь? Не было

всей этой рутины. Мы имели какое-то общее представление друг о друге. Не то, какими мы были до парашютных курсов и за их пределами, а то, кем приходились друг другу. Какие совместные чувства и переживания испытывали. Сама идея прыжков затмила собой все бытовые разговоры, к которым обычно приходишь, когда не о чем поговорить. Гораздо важнее вместе переживать новое, и самим становится другими. Не важно, где ты сейчас находишься, важно, куда ты смотришь и к чему движешься.

Да и парашютные курсы уже закончились. Всех, кого хотели «скинуть», мы «скинули». Практически всю нашу группу. Кто-то приводил друзей, сокурсников, родственников. Кто прыгал разово, кто приезжал ещё и ещё, приводя своих друзей. Народу хватало. Успевали и сами напрыгаться и других «поскидывать» и просто побеситься. Мы изучили мост вдоль и поперёк и считали его своим вторым домом. Каждый раз, когда проезжаешь по нему на транспорте, что-то внутри ёкает чем-то очень добрым и заманчивым. У меня это происходит и по сей день. Каждый раз, когда я оказываюсь недалеко от этого места, хотя прошло уже много лет.

В один из дней мы вечером собрались на прыжки. Стоял тёплый зимний вечер. Небо обильно засыпало город снегом. Дорогу к мосту изрядно замело, а кроме нас, бомжей, и изредка заходивших туда в поисках «романтики» пьяных панков, по тропе никто не ходил. Приходилось пробираться почти по колёно в снегу.

В этот раз собралось четыре человека. Я, Даша, Надя и Дашина подружка, — Настя. Пока мы шли, она не проронила ни слова. Хотя скромной её точно не назовёшь. Она просто молчала, переживая в голове, как мне показалось, если не ядерный взрыв, то нашествие инопланетян точно. Лицо очень озадаченное, глаза бегают в разные стороны, периодически замирая в одном месте. На голове — непонятно завитые светлые волосы. Одета в панковские рваные джинсы. В которых были видны колготки, — зима же. На ногах.... Ярко зелёные кроссовки с тёплыми шерстяными носками. Но при всей этой милой неадекватности, она прямо источала обаяние. Когда приятно просто от того, что находишься рядом.

Пока мы шли до моста, это чудо вело себя спокойно. Но когда осталось пройти всего лишь пару десятков метров, она начала разговаривать. Причём много разговаривать. Скажу точнее, много и быстро. Даша, на удивление, быстро включилась в этот словесный поток, и вдвоём их было просто не заткнуть.

— Это нормально, они всегда так. — успокоила меня Надя, глядя на мой удивлённый вид.

— Находка для лингвиста, — буркнул я. То ли от обиды, что не умею так же, то ли ещё по каким-то причинам. И принялся взбираться в арку, чтобы подстраховать девчонок.

Даша с Надей привычно взлетели в арку, а вот с Настей возникли проблемы. Даже шикарные зелёные кроссовки ей

не помогли. Видимо, предназначена она для передвижения только по ровным поверхностям. Ну, даже это не стало особой проблемой, я спустился на небольшой уступ, а Надя с Дашей держали меня за пояс. В этом участке, где нужно попадать в арку моста, необходимо подтянуться с последней, верхней ступени. Вот с этим у Насти проблемы и возникли. Смешно кряхтя, она пыталась забраться, но, увы, безуспешно. Смотреть на это дело можно было вечно, но наш «подъёмный кран» всё же пришёл на помощь. Я выполнял функцию стрелы, Надя с Дашей противовеса, а Настя разумеется груза. На счёт «Реди Сет Гоу» груз медленно поплыл вверх, отталкиваясь ногами. Разумеется, в конце, противовес решил не останавливаться, а вся конструкция образовала большую кучу, где Настя грохнулась на меня сверху. Пока все ржали, мне поначалу пришлось, а потом уже и понравилось разглядывать Настино лицо. Особенно глаза. Яркого голубого цвета. В них можно тарашиться и тарашиться, пока не утонешь в них, или же не заблудишься в собственных фантазиях. Но пока что ни то, ни другое мне не грозило.

Даша, которая лежала в самом низу нашей кучи, под нашим весом стала плоская как камбала на дне океана и решила высвободиться из своего заточения. Резким движением она толкнула нас вперёд и благополучно выползла — сил у этой девушки было достаточно. Вследствие чего, я заметил, как глубина глаз резко приближается и почему-то болит лоб. Потирая ушибленное место, переглянулись, Настя

хихикнула, слегка отведя глаза, и мы двинулись дальше. Идя по трапу до места прыжков, она рассказывала мне о тех случаях, когда бывала здесь раньше. О различных субкультурах, которые оставляли под мостом свою живопись. Я потихоньку начал привыкать к темпу речи моей спутницы и заметил, что она очень хорошо разбирается в предмете обсуждения. Я думаю, без труда бы смогла объяснить любой бабушке, чем альтернативщики отличаются от готов, готы от панков, а панки от бомжей. А бабушкой в данный момент был я — просто новый мир открывался.

До этого я и понятия не имел, что все лохматые, грязные, пирсинговые обитатели переходов, делятся на виды и классы. Как и большинству из нас, мне они казались совершенно одинаковыми и скучными. Психически неуравновешенными, которые издеваются над своим телом и скоро сдохнут от депрессии. А тут красивая девушка, со знанием русского языка, прямо посвящает меня в эти сакральные знания. Может и вправду я что-то упустил? Чтобы понять девушку, нужно понять сферу её интересов? Хотя, конечно, нет. Это бесполезно.

Мы уже подошли к месту прыжков, и я готовил снаряжение. Теперь это занимало каких-то десять минут и было доведено до автоматизма. Настя изучала высоту, и я уверен, тоже теперь по-новому взглянула на этот мост.

— А как будет происходить прыжок? — поинтересовалась она.

– Вниз! — с максимальной серьёзностью ответил я.

– А это безопасно?

– Сегодня никто не умирал. — Также серьёзно ответил я.

Мне очень понравился этот ответ, потому что после него «перворазики» обычно перестают задавать свои вопросы и проникаются уважением и ужасом к месту и высоте.

А вопросы одинаковые практически у всех. А верёвка выдержит? А карабины выдержат? А система выдержит? А мост не упадёт? и т. д. и т. п. И я уже заколебался отвечать каждому, что верёвка выдержит полторы тонны, карабины пять тонн, система выдержит даже плотно пообедавшего борца сумо, который не посещал уборную последний год. Что расстояние небольшое, и даже если упадёт мост, то прыгающий отделается всего лишь парой переломов. Только если его не придавит плитой проезжей части. Вот их-то реально стоит бояться.

У нас тут новое экстремальное движение или магазин с колбасой? Я всегда прыгал первым (Серёгино правило «кто навешивает — тот и первый прыгает» — работает). И уж если бы это оказалось не безопасно, как вид деятельности, то почувствовал бы это, в первую очередь, я.

Есть два типа людей, которые задают подобные вопросы. Те, кто прикрывает свой страх публичным вниманием. Вроде того что «Объясните мне лично, что я получу кайф и останусь при этом жив и здоров». В это время группа поддержки, которая обязательно есть на мосту и ради которой всё и за-

тевается, напутствует будущего прыгуна собственным опытом, криками «мы в тебя верим» и другими мотивирующими речами. Получив такую дозу всеобщего внимания и как бы скинув часть ответственности с себя на них, летун вываливается с моста.

И есть второй тип — педанты и зануды. Они сначала всё прощупают, потрогают, построят математическую модель и затем уже примут решение. Пытаются логикой просчитать чувства. Лично мне кажется — они их уже давно не испытывают.

Настя явно относилась к первому типу. И скорее всего в голове она давно приняла решение, прыгать ей или нет, и раз она была уже здесь, ответ был «да».

Я с самым невозмутимым лицом перелез через перила, и на счёт «Рэди Сэт Гоу» не раздумывая, ушёл вниз. То же самое повторили Даша и Надя.

Настал черёд Анастасии. Желающих больше не было, и всё внимание досталось ей. По глазам, она уже была готова, а вот по трясущимся коленям — вряд ли.

Тем не менее, я помог ей надеть систему и сообщил, что она может перелезть через перила. Ну, она и перелезла. Только вцепилась в ограждение моста такой хваткой, что вполне могла погнуть металлические перила.

– Я не буду прыгать.

– Будешь! — хором заверили мы, а Даша демонстративно засекала время «простоя».

– Неееее! Мне страшно!

– Это нормально, всем страшно.

– НЕЕЕЕТ! МНЕ ПРАВДА СТРАШНО!!!

– Уже поздно. Ты надела систему, перелезла через перила, верёвку закрепили. Уже не отвертишься!

– Прыгай! РЕДИ СЕТ ГОУ!!!

Настя сделала небольшой рывок корпусом в сторону прыжка, но руки оказались сильнее и не отцепились.

Её пульс и дыхание было слышно даже проезжающим сверху машинам, а глаза выпучились на пару сантиметров.

Разумеется, от такой картины мы в голос заржали, а Даша сквозь смех изобразила её глаза. После чего и Настя прыснула истерическим смехом.

– Мне страшно!!!

Я понял, что это «надолго» и решил подойти с логической точки зрения. К женщине. Блестящее решение.

– Вот смотри (взял карабин). Он держит пять тонн (потом демонстративно оглядел её с макушки до пят). Мне кажется, но в тебе намного меньше. Дальше верёвка. Она держит полторы тонны (я опять оглядел её, специально приостановив взгляд на груди). В тебе, на глаз, немного меньше, чем полторы тонны. Так что не бойся. Каждый узел, который здесь используется, выдержит, даже если мы сбросим трактор с этого моста. До тебя прыгнуло три человека. И все стоят живые и здоровые.

– А как нужно отцепляться? — начала задавать вопросы

Настя, чтобы отсрочить время прыжка.

Я, недолго думая, без страховки, теперь уже для наглядности и мотивации, перелез через перила и становлюсь рядом с ней.

— Очень просто, — стоишь ты на мосту и отпускаешь руки.

В этот момент я отпускаю руки, начинаю падать и перехватываюсь за другие перила, не отрывая ног, встаю обратно.

— Ну, как-то так, только дольше.

Перелез обратно и немедленно, ничего больше не объясняя, максимально громко начал отсчитывать!

— РЕДИ СЕТ ГОУ!!

Мне казалось, что личным примером и максимальными звуковыми колебаниями мне получится подтолкнуть её к самостоятельному прыжку. Но руки очень крепко вцепились в перила и, возможно, стали уже одним целым.

Так ладно, нужно с другой стороны. — Группа поддержки, все заткнулись! Настя, ты ещё хочешь прыгать?

— Да, но мне страшно.

— Сейчас, в полной тишине, ты наедине со своими мыслями перебарываешь свой страх и без всяких команд отпускаешь руки, когда будешь готова. Ферштейн?

— Хорошо.

В образовавшейся тишине было слышно, как сверху по дороге иногда проезжают машины, а ветер таинственно гудит между опорами моста. Где-то вдалеке горели фонари,

а под мостом царил приятный полумрак.

Мы все молчали и искренне верили и мысленно поддерживали Настю. Ведь каждый из нас прекрасно понимал, какие чувства она испытывает, какая тяжёлая внутренняя борьба сейчас идёт. Борьба с самой собой, со своими страхами.

Даша показала мне часы. На них было уже сорок три минуты с момента, когда Настя перелезла.

— О новый рекорд! — обрадовался я, — предыдущий побит на десять минут. И закончился только потому, что мы с Серёгой, силой оторвали руки от перил.

— Может с рук? — предложила Надя.

Я встал напротив Насти, и она медленно перехватилась с перил моста за руки. В этот момент мне стало самому безумно страшно, но я подавил это чувство. Мы стояли, держались за руки и смотрели в глаза. Как в каком-нибудь сопливом сериале про любовь. Эмоции те же, но обстановка немного другая. Я стоял и тонул в её прекрасных голубых глазах. Мне казалось, что кроме нас тут вообще никого нет. Я тихо сказал:

— Будешь готова — дай знать.

Она многозначительно моргнула. После чего я опять впал в транс. Еще минут десять мы так и простояли. Игнорируя все попытки Даши и Нади вывести нас из этого состояния. Внезапно, момент настал.

— Полетели?

– Давай.

Я вытянул руки максимально вперёд и отпустил Настю. Она бесшумно полетела вниз, а меня передёрнуло так, будто это я совершаю свой первый прыжок. Накатила новая волна страха, затем удар током и пустота.

Вскоре зазвучал восторженный монолог. Она говорила о том, что это круто, какие мы козлы, как она нас любит, о своих родственниках, о своей кошке, об ускорении заряженных частиц, о зиме, морозах, о том какие мы молодцы...

Наверху тоже царила радость, наверно, это заразно.

– Плюс один! — констатировала Даша.

– Ещё какой «плюс один», — добавил я.

Настя болталась внизу звёздочкой, вися в подвесной системе, раскинув руки и ноги в сторону, уже в тишине. Я отвязал и отпустил верёвку для «посвящения». Она всё той же звёздочкой спикировала в сугроб. И мы побежали вниз для поздравлений. Она лежала в той же позе и смеялась. Мы подняли её из сугроба и обняли. Надя припомнила Насте её выражение лица, но она и сама уже подшучивала над этим приключением.

Когда приступ счастья отошёл, пришло осознание, что уже довольно поздно и время расходиться по домам.

– Насть, мы ждём тебя на следующих прыжках!

– Обязательно. С тобой, садистом, мы точно ещё увидимся.

На этом и попрощались. Я задержался на мосту, собирая

верёвки.

Каждый раз, когда на мосту появляется новый прыгун, мост наполняется новой энергией. Энергией жизни. Тут вы возразите, как мост, сооружение из бетона и железа, может наполниться жизнью? Это неодушевлённое, материальное и с виду довольно мрачное сооружение? Но у каждого места есть своя атмосфера.

Если кто-то был в заброшенных больницах, моргах, тюрьмах, то согласится, что эти места обладают особым духом. И на жизнь это мало походит. Находиться долго в таких местах очень неприятно. Порой даже наступает всякое неприятное.

Мост же — напротив. С каждым новыми прыжками он нам казался всё более своим и душевным. Серые стены, с загадочными рисунками, уже казались совершенно другими, они хранили в себе свои истории и остатки своих событий. И мы стали такой же частью этого моста, его истории. Там было приятно находиться.

Я просто сел на краю, свесил ноги, а холодный ветер слегка обдувал лицо. Это был хороший ветер. Он освежал и слегка покалывал лицо снежинками. В такие моменты охватывают мысли самого разного содержания. Всматриваешься в опору моста и представляешь, как её строили. Это же сколько усилий было потрачено. Сколько людей занимались одной опорой. Он был построен в середине двадцатого ве-

ка. Тогда и техники меньше было и технологий. Спроектировали, создали. А как вообще строили? Причём, чтоб он действительно не упал, чего так опасаются наши «перворазовые» прыгуны. Но мост держится уже несколько десятилетий и простоит, наверно, ещё больше. Сколько же событий он пережил? А вода? Она течёт уже вообще неизвестно сколько. Говорят, у воды есть память. Я в это верю. Ведь вода, это же чудо света! Она покрывается толстым слоем льда и может полностью испариться. В ней можно плавать, а можно и утонуть. Она может спасти и убить. Кто знает, сколько сюрпризов она таит. Учёные выяснили, что структура воды может изменяться под воздействием окружающей среды. Наверно поэтому в сказках была живая и мёртвая вода. Всё зависит от её структуры. От тех событий, которые разворачивались рядом с ней. Неспроста же древние племена поклонялись духам воды. Они понимали её силу, которая вечно течёт по нашей планете, придавая жизнь всему живому. Ведь без воды, в отличие от других неотъемлемых составляющих нашей жизни, можно прожить меньше всего. Солнечный свет наполняет нас энергией и радостью, но без него выжить можно. Без еды, которая придаёт нам сил, говорят, можно прожить около месяца. Без общения можно свихнуться — скажет большинство женщин. На что мужчины ответят «Угу» и кивнут головой. Вода — это основа. А мы тут над ней прыгаем.

Вообще мне кажется, что общение в наши дни переоце-

нено. Самые интересные и нужные идеи приходят в тишине. Наедине с собой. Только твоё настоящее и твои мечты. И моя задача совместить эти два понятия в одно. Чтоб в моей жизни воплощать свои мечты в реальность. Начиная с тех, которые были в детстве. Те мечты, от которых мурашки идут по коже, когда начинаешь о них думать. Но вместо этого голова забита какими-то лживыми целями. Зачастую, даже не своими, а своих начальников, подруг, друзей и родственников. Или навеянных рекламой и зомбоящиком.

В одиночестве проще вспомнить, чего ты хочешь на самом деле. И придумать, как это осуществить. Потому что врать некому. Внутренний голос не позволит. Сколько времени уже прошло и сколько ты сделал из того, что хотел? А помнишь ли, чего ты хочешь по-настоящему?

Я собрал верёвки и довольный побрёл по заметённой снегом тропе. Я знаю, чего я хочу. Серёга и Капюшон точно задали мне вектор, втянув в эту авантюру с прыжками. Теперь это моё. На ближайшие несколько лет. А может и много дольше.

Глава 4

Следующим вечером я набрал Дашу, чтобы наконец-то узнать Настин номер. Спыхватился, молодец. Язвительный вопрос не заставил себя долго ждать.

– А тебе зачем? Узлы вязать будете?

– Нет, карабин задымился. Давай номер!

– На предохранитель поставь. Чтоб не расстегнулся раньше времени. Записывай.

Затем Лаврова максимально медленно продиктовала мне номер телефона, растягивая по слогам каждую цифру. Понимая важность доносимой информации, я не стал её подкалывать. Хотя и очень хотелось узнать, не была ли она в Эстонии на курсах скорочтения. Но я удержался и просто поблагодарил, не теряя при этом её интонации.

Набрал Настю. Долгие гудки. Наконец послышался голос, с трудом различаемый на фоне дикого и гроыхающего звука.

– ЭТО КТО? — заорал весёлый голос Насти.

– Тёма с моста!

– ЧЕГО?

– АРТЁМ С МОСТА!! — уже во весь голос тоже заорал я.

– Ааа, привет, я тебе перезвоню, не слышно сейчас, — уже более мягко, но всё ещё громко ответила она и бросила трубку.

«Ещё б ты слышала», — уже про себя разочаровано подумал я. — «Весь подъезд слышал, а она нет. Весь настрой сбילה. Пусть перезванивает, если голос ещё останется». Я позлорадствовал и сразу успокоился.

Но, на удивление, Настя голос не сорвала. И настиг он меня около двух часов ночи, когда я уже посмотрел первый сон и готовился ко второму.

– Ты не спишь? — поинтересовалась Настя.

– Нет! — ответил я и демонстративно захрапел.

– Ладно-ладно тебе. Могу перезвонить утром.

– Теперь, раз уж я проснулся, будем разговаривать. Хоть до утра.

– Как скажешь, — и в трубке послышался смех.

– Чем занимаешься?

– Иду домой.

– ???

– Да, да, да. Одна иду домой. На концерте было душно, а тут свежо.

Я посмотрел на градусник, он показывал минус 18.

– Ещё бы не свежо, — прокомментировал я. — Ты же вроде в пригороде живёшь. Не боишься совсем освежиться, пока дойдёшь?

– А я к Даше. Она меня с горячим чаем ждёт.

– Как мило. Ещё в вечернем пеньюаре и тёплой кровати.

– Ага, расфантазировался. А мне сейчас на концерте все ноги в слэме отдавили.

– Где простите?

– Слэм — это когда под тяжёлую музыку на концертах, люди толкаются, создавая массовый хаос.

– Зачем? — появился у меня вполне резонный вопрос.

– Ну, это дикий драйв и неотъемлемая часть этих концертов.

– То есть, только что ты толкалась с пьяными грязными панками в совершенно душном помещении?

– Эээ, ну да! Только не с панками, а с альтернативщиками. Это две совершенно разные культуры.

– Ага. Особенно мне понравилось слово «культура». Оно передаёт именно то, что у вас там происходило.

– Да нее, это и вправду весело.

И тут, снова со знанием толкового словаря, мне продолжилась лекция о субкультурах России и всего мира. Это оказалось интересно. К тому же проще спрыгнуть на верёвке с Белого дома, чем заткнуть Настю. Она разговаривала без остановки и даже не спрашивала мнения собеседника, но мне это нравилось. Так что лучше неё, мне бы никто и не объяснил. Спустя минут сорок настал мой черёд рассказывать. Только уже про прыжки. И я с удовольствием поведал ей, как докатился до жизни такой. Про Серёгу и Капюшона. Про то, как сам стоял перед первым прыжком, про основателя этого «вида спорта» — Дэна Османа.

Настя слушала не перебивая. И когда я закончил — заинтересовалась:

– А этого капюшона никто больше не видел?

– Нет, ни разу.

– И новостей про него нет никаких?

– Нет, не слышал.

– Может, это был призрак Дэна Османа? — заговорщицким голосом спросила она.

– В нашем мире, конечно, всё возможно, но не до такой же степени!

– А вдруг... Он ищет себе сторонников? — не унималась Настя. — Вот смотри. Какие чувства человек испытывает после прыжка?

– Радость, позитив, ощущение падения. Ценность жизни, у некоторых, — неуверенно сказал я.

– Воот. То есть — хорошие чувства. И точно никто после прыжков не пойдёт убивать, насиловать или грабить ближайšie пару дней.

– Точно не пойдёт.

– Значит, прыжки делают мир лучше. Так как в нём прибавляется счастливых людей. Пусть на какое-то время, но счастливых. К тому же счастье не может длиться вечно. Поэтому он обучает людей, чтоб они продолжили это дело.

– Всё, сдаюсь. Я понял, что с тобой бесполезно спорить. — Сказал я, задумываясь о резонности аргументов.

– Это точно, — довольная собой, отрезала Настя.

Мы поговорили ещё какое-то время, пока моя собеседница не достигла Дашиного крыльца.

Я положил трубку и невольно начал перебирать произошедший разговор. О том, чтобы делать мир лучше, я мало задумался. Скорее даже не обратил на это внимания. Меня больше заботила личность Насти, — хренасе девочка!

Что-то здесь точно не вяжется. Меня к ней тянет. Хотя пару дней назад только и познакомились. Вспоминаю о ней часто, чувствую, ожидает ещё масса сюрпризов. Но пока мне нравится такое положение дел. А лезть под коврик, чтобы сосчитать всех тараканов, пока не стоит. Пусть выбегают по одному. На этой прекрасной мысли я и погрузился в сон, не подозревая, что просплю первые пары.

Следующую неделю прыжков не было. В город пришёл мороз. Настоящий и довольно редкий для нашего края. Выше -35 температура не поднималась даже днём. Город практически замер. Люди понапрасну не выходили из дома, те счастливики, которым удалось завести машины, одиноко неслись по свободным дорогам, а популяция бомжей и бродячих собак резко сократилась.

Это была неделя ожидания. Ожидания прыжков и разумеется встречи с Настей. Мы теперь постоянно созванивались, и это превратилось в еженочный ритуал. Начинался он около часу ночи и мог продолжаться до утра. До этого времени я и не догадывался, что так долго можно разговаривать по телефону.

Про себя я уже решил, чем должна закончиться наша сле-

дующая встреча. Но как правило, перед чем-то хорошим, зачастую, всплывает полоса препятствий. И эта полоса либо усилит кайф от задуманного, либо может и вовсе свести его на нет. И морозы являлись именно этой полосой. Ну, первым уровнем, самым началом. Ведь, по сути, вся жизнь является этой полосой. Пока я злился, думал: «какого чёрта!», препятствия появились в самый неподходящий момент! — температура не изменялась. Но как только я перестал обращать на них внимания и начал радоваться телефонным звонкам, как благам в последней инстанции, на удивление, стало теплеть. Причем, погода оказалась, скорее, не препятствием к встрече, а проводником. С помощью неё мы настроились на одну волну. И теперь смогли бы наверно пережить все заморозки на южном полюсе. Общась лишь по телефону, но видимо этого не требовалось. Воцарилась самая превосходная зимняя погода. Минус пять и солнце. Мечта любого горнолыжника и зимнего роуп-джампера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.